

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Вторник 5 января 1937 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 1 (637)

Не переделывайте, товарищи, хоту в хату

В городе Полтаве существовала в стародавнее время газета «Полтавский вестник». Редактором ее был чиновник губернского правления Иваненко, а ближайшими сотрудниками — ближайшими членами семьи редактора. Брат редактора писал одновременно по вопросам военным, церковным и музыкальным.

Писал он колоритно, так что одна его музыкальная рецензия запомнилась мне навсегда. Среди других номеров исполнена была «Арагонская хота» Глинки. Увидя в программе этот героглиф, мудрый рецензент решил, что тут допущены опечатки: во-первых, должно быть не «хота», а «хата»; во-вторых, добавочное «р» в «Арагонской» — ненужная роскошь; в-третьих, слово это по-украински должно иметь начертание «Араганьска»; наконец, как прилагательное, оно по законам украинской грамматики должно быть поставлено после существительного.

Получив после всех этих операций: «Хата араганьска», он уже не затруднился охарактеризовать и самое музыкальное произведение: он услышал в нем дивные, подлинно народные украинские мотивы, в его воображении ярко обрисовалась и самая хата, и «вншневый садочек» близ

хаты, и «парубки», и «дівчата», и «топак». И целый день по выходе номера «Полтавского вестника» в скучной, сонной Полтаве было превесело, а газету разбирали нарасхват.

Эпизод этот живо воскрес передо мной, когда три газеты: моршанский «Большевик», воронежская «Коммуна» и «Вечерняя Москва» почти одновременно и почти в одних и тех же выражениях сообщили об интересной литературной находке — новом, неизвестном очерке А. П. Чехова «История одной статьи». Моршанский «Большевик» напечатал целиком и самый очерк, две другие газеты дали из него пространные извлечения.

«Антон Павлович, — читаем мы в «Вечерней Москве», — о присущем ему юмором высмеивает «тип писаки на все руки», пишущего «по пятачку за строчку». Здесь же Антон Павлович рассказывает и о другом «роде пишущих», у которых «в каждом слове — душа, в каждой букве — частица их крови». Антон Павлович рассказывает, что ему довелось раз видеть, как один автор писал юмористический рассказ. Это был фельетон, которым нужно было рассмешить читателей. В передней стоял посыльный из редакции, нетерпеливо ожидая рукописи. Автор сидел и строчил... но

глаза через каждую минуту отрывались от бумаги и перебегали на маленькую детскую кроватку, в которой умирал ребенок... Жена просит автора фельетона сбегать в аптеку за лекарством, так как «хрип в грудке усилился»... Но ему надо дописать пятьдесят строк. И в тот момент, когда юмористический фельетон, который публика «читала и смеялась», был закончен, ребенок умер».

Антитеза очень резкая. Она была бы еще резче и драматичнее, если бы «Вечерняя Москва» не опустила в изложении окончания очерка:

«Публика читала и смеялась, а А. Чехонте читал, и думал, и решал, насколько это годится в «Осколки». Кстати сказать: не нужно много думать, чтобы понять, что речь идет о моей маленькой покойнице Мось, и что это — страничка из моей жизни, но вместо редакционного посыльного — таможенный досмотрщик».

Позвольте! Как это «не нужно много думать»? Напротив, очень много нужно думать, да и то ничего не поймешь! При чем тут таможенный досмотрщик? Какая покойница Мось? О них не было раньше сказано ни единого слова. И каким образом А. Че-

хонте обдумывает судьбу чьего-то очерка, о ком говорится в третьем лице, когда сам он и есть его автор? Есть в очерке и другие места, вызывающие не меньшее недоумение. Чехов был врач, а между тем в рассказе мы читаем, что ребенок еще вчера бегал, кричал «папа» и «мама», а сегодня умер от водянки мозга. В одни сутки.

Впрочем, одна небольшая поправка в изложении этой «истории» разрешает все недоумения легко и быстро. Автор очерка действительно А. П. Чехов, но только не Антон Павлович, а старший брат его, Александр Павлович. У него действительно была дочь. И звали ее Мося. И умерла она от водянки мозга, проболев десять дней. Случилось это 1 февраля 1884 года. А таможенный досмотрщик? Был и таможенный досмотрщик. Александр Павлович служил в то время таможенным чиновником в Таганроге, сильно нуждался, много пил и, будучи прафоманом, много строчил для газет и журналов, отсылая брату в Москву. Упомянутый досмотрщик отправлял его корреспонденцию. Вкуса и чувства меры у Александра Павловича не было, поэтому самые драматические ситуации под его пером приобретали аляповато-мелодра-

матический характер, образцом которого может служить и пресловутая «История одной статьи», в которой «Вечерняя Москва» обнаружила присутствия Антону Павловичу юмор, а воронежская «Коммуна» сверх того и «глубину».

Вполне, однако, возможно и даже всего вероятнее, что «Историю» Александр Павлович и не предназначал для печати, иначе чего ради заговорил бы он о своей дочери. Повидимому, летом 1884 года, находясь у брата Антона в Воскресенске, он написал «Историю» с той целью, чтобы изобразить для брата же недавно пережитое душевное состояние. Если бы «История» предназначалась для печати, появление в конце ее таможенного досмотрщика было бы непременно объяснено.

Знание биографических подробностей об Александре Чехове ни для кого, разумеется, не обязательно. Но для каждого газетного работника было необходимо, обратив внимание на конец очерка, отвергнуть принадлежность его перу Антона Павловича по простому здравому смыслу. Правда, в двух газетах конец этот опущен, но, как ни переделывай хоту, хаты из нее не получишь.